

МНЕНИЕ

по запросу Министерства юстиции Российской Федерации о разрешении вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года (вступило в силу 15 декабря 2014 года) по делу «ОАО Нефтяная компания «Юкос» против Российской Федерации»

Министерство юстиции Российской Федерации поставило вопрос о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО Нефтяная компания «Юкос» против Российской Федерации» в части выплаты сумм компенсации. Заявитель ссылается на то, что постановление расходится с Конституцией Российской Федерации: ее статьями 6 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (части 1 и 3), 46 (часть 3), 55 и 57. Заявитель указывает, что толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, содержащиеся в указанном постановлении, позволившее ЕСПЧ прийти к выводу о необходимости выплаты Российской Федерацией акционерам «ОАО Нефтяная компания «Юкос» компенсации в размере 1 866 104 634 евро, противоречит названным положениям Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с правовыми позициями, сформулированными Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 30 июля 2001 года № 13-П и от 14 июля 2005 года № 9-П.

Министерство юстиции Российской Федерации обозначает несогласие с выводами ЕСПЧ в связи с присуждением сумм:

в размере 1 299 324 198 евро ввиду несогласия ЕСПЧ о взыскании с «ОАО Нефтяная компания «Юкос» в 2000-2001 годах суммы штрафов за налоговые правонарушения (данный вывод ЕСПЧ расходится с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, заявленной в постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П, в котором в связи с жалобой гражданки Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа, рассматривавшим дело «ОАО Нефтяная компания «Юкос», проверялась

конституционность положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации);

в размере 566 780 436 евро ввиду непропорционального, по мнению ЕСПЧ, взыскания исполнительского сбора в размере семи процентов от общей суммы задолженности по уплате налоговых обязательств (данный вывод не соответствует правовым позициям, изложенным Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 30 июля 2001 года № 13-П).

Министерство юстиции Российской Федерации полагает, что присуждение данных сумм компенсации неопределенному кругу лиц не согласуется с конституционными принципами справедливости и равноправия.

Министерство юстиции Российской Федерации просит признать невозможность исполнения Постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 года в части выплаты сумм компенсации.

Представляется, что запрос Министерства юстиции Российской Федерации в целом соответствует статьям 104¹ и 104² Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации”, которые устанавливают критерии допустимости подобного запроса. При этом ссылки на заключения Федеральной службы судебных приставов и Федеральной налоговой службы как на основание направления запроса представляются излишними, поскольку исполнение постановлений ЕСПЧ осуществляется самим Министерством юстиции Российской Федерации. Заключение указанных федеральных служб можно лишь рассматривать как справочный материал.

В целом, соглашаясь с правильностью постановки вопроса о невозможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека по указанному выше делу, нельзя не отметить, что в запросе упущена главная составляющая невозможности исполнения подобного судебного акта ввиду нарушений ЕСПЧ публичного порядка Российской Федерации, закрепленного, прежде всего, в статье 15 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу на территории страны. Публичный порядок включает в себя конституционную составляющую и ничто, и никто не может его нарушить. Могут возразить, что согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации, если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила

международного договора и в силу заявления Российской Федерации при ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод признается обязательной юрисдикция ЕСПЧ по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.

Основным вопросом является вопрос о том, можно ли назвать Конституцию Российской Федерации законом, о котором идет речь в части 4 статьи 15 Конституции? С точки зрения ряда представителей общей теории права, иногда утверждается, что Конституция Российской Федерации 1993 года является Основным законом. Однако в тексте Конституции понятие «основной закон» отсутствует, за исключением ссылки на прекращение действия Конституции (Основного Закона) Российской Федерации - России 1978 года. С позиции системы и структуры национального законодательства Конституция Российской Федерации представляет собой нормативный правовой акт особой, высшей категории, является особым источником российского права на территории России, обладающим в силу уже упоминавшийся части 1 статьи 15 высшей юридической силой, выше международного договора. Формальное и буквальное толкование частей 1 и 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации дает возможность утверждать, что в случае возникновения коллизии между положениями Конституции и международным договором Российской Федерации, в том числе в вопросе его толкования ЕСПЧ, правоприменитель обязан отдать приоритет исключительно конституционным нормам, особо выделив конституционные основы правового порядка Российской Федерации, изложенные в главах 1 и 2 Конституции Российской Федерации. Иногда указывают на то, что участник международного договора не может ссылаться на положение своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им международного договора в интерпретации ЕСПЧ. При этом делается отсылка к статье 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Вместе с тем статья 27 Венской конвенции содержит одно нередко упускаемое из виду установление, сводящееся к тому, что указанное правило статьи 27 действует без ущерба для статьи 46 той же Венской конвенции. В свою очередь, статья 46 Венской конвенции (пункт 1) гласит, что приведенное

правило не касается нормы внутреннего права государства **особо важного значения**. Конституция Российской Федерации является актом высшей юридической силы на территории России, поэтому положение пункта 1 статьи 46 Венской конвенции имеет к рассматриваемой правовой ситуации самое непосредственное отношение и, безусловно, применимо к Конституции Российской Федерации.

Как отметил член-корреспондент Российской академии наук профессор В.А.Мусин на Одиннадцатых сенатских чтениях в Конституционном Суде в 2014 году, по ряду дел, рассмотренных в отношении различных государств, ЕСПЧ, принимая постановления, выходил за пределы своей юрисдикции именно из-за нарушения публичного порядка государств-участников Европейской конвенции. (Мы можем сказать: ЕСПЧ проявил “судейский активизм” – по выражению Председателя Верховного Суда Израиля Арона Барака – П.Л.). В.А.Мусин называет два резонансных дела: дело «Хёрст против Великобритании» и дело «Гергюлю против Германии». И в том, и в другом деле был нарушен публичный порядок этих двух государств, который применительно к ФРГ закреплен в Основном законе Германии, а применительно к Великобритании, где отсутствует писаная конституция, была нарушена законодательная регламентация. Конечно, публичный порядок неравнозначен понятию “законодательство”, но он означает наличие фундаментальных правил, относящихся к структуре государства и общества, причем его базовые основы, применительно к России, закреплены в Конституции и федеральных законах, включая налогообложение. (Законодатель оставил за собой вопросы налогообложения.)

Таким образом, если решение, вынесенное иностранным или международным судом, противоречит публичному порядку того или иного государства, оно не может быть исполнено и иностранный или международный суд, включая ЕСПЧ, не может обязать государство действовать так, как захотел суд. В.А.Мусин отмечал, что публичный порядок в разных государствах может быть различным, в некоторых государствах допускается многоженство, в некоторых государствах допускаются однополые браки, но с точки зрения российской правовой системы и ее фундаментальных положений все это, бесспорно, противоречит публичному порядку России. Именно поэтому при вынесении возможного судебного постановления, отличного от положений

публичного порядка России, запрещающих многоженство и однополые браки, оно исполнено быть не может как по “индивидуальным” мерам и по “мерам общего характера”, так и по “справедливой компенсации”. С публичным порядком любого государства – участника Европейской конвенции, ЕСПЧ должен считаться и, в первую очередь, в отношении правовых норм, закрепленных в конституции соответствующего государства, при этом необходимо учитывать и толкование конституции, даваемое уполномоченным на то органом, применительно к России - это Конституционный Суд Российской Федерации.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации Конституционный Суд отметил невозможность исполнения этого постановления, как представляется, прежде всего в силу части 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации (подпункт 4.4 постановления Конституционного Суда Российской Федерации, а также резолютивная часть постановления).

Налогообложение относится к публичному порядку страны. По этому вопросу в силу Федерального конституционного закона даже невозможно провести референдум. Тем более фактическая попытка ЕСПЧ установить налоговую норму в России (4 процента) является нарушением публичного порядка Российской Федерации.

К сожалению, в запросе Министерства юстиции Российской Федерации нет отсылки к нарушению ЕСПЧ статьи 15 (часть 1) Конституции Российской Федерации, что может быть исправлено Конституционным Судом на основании статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», поскольку Конституционный Суд при принятии решения не связан основаниями и доводами запроса.

Могут возразить, что как указано в параграфе 32 постановления тарифная ставка в виде 4 процентов (вместо 7 процентов) «обозначена» самими властями Российской Федерации в их замечаниях 30 марта 2013 года.

Хотел бы отметить, что ЕСПЧ мог неверно истолковать позицию, изложенную в замечаниях от 30 марта 2013 года, но даже если согласиться с верностью записи в параграфе 32 постановления ЕСПЧ, то никому, кроме законодателя, не дано право нарушать положения налоговой составляющей публичного порядка Российской Федерации, в том числе и лицу, подписавшему замечания, упомянутые в параграфе 32 постановления ЕСПЧ.

На мой взгляд, усматривается в постановлении ЕСПЧ и нарушение статьи 79 Конституции, поскольку постановление противоречит основам конституционного строя Российской Федерации.

На основании изложенного полагаю, что помимо указанных в запросе, Европейским Судом по правам человека в постановлении от 31 июля 2014 года **были нарушены статья 15 (часть 1) и статья 79 Конституции Российской Федерации, тем самым нарушен публичный порядок Российской Федерации, а значит – постановление не может быть исполнено.**

Кандидат юридических наук,
доцент

П.А.Лаптев

12 декабря 2016 года